

Ю.К. АБАЕВ

ДОКТОРЪ ЧЕХОВЪ

(к 150-летию со дня рождения)

Белорусский государственный медицинский университет

На двери московского дома-музея А.П. Чехова старинная чугунная табличка «Докторъ Чеховъ». Рядом с входом на этой же стене уютного двухэтажного особняка, расположенного на Садово-Кудринской улице висит мемориальная доска: «Здесь жил с 1886 по 1890 г. великий русский писатель Антон Павлович Чехов». Большая мраморная доска с золотыми буквами затмевает едва приметную чугунную табличку. Точно также врачебная деятельность А.П. Чехова по сравнению с его литературным трудом имеет лишь частное значение. Однако нельзя забывать высказываний самого Антона Павловича о значительном влиянии медицины на его творчество; профессия врача не могла не отразиться на личности писателя [1, 2, 3, 4, 5].

Скромная табличка на двери чеховской квартиры напоминает, что один из самых любимых наших писателей вышел не только из гоголевской «Шинели», положившей начало русской прозе, но и из белого медицинского халата. Как ни далеки друг от друга профессии врача и писателя, между ними существует глубокая связь. Об этом напомнил на конгрессе врачей в Париже французский писатель А. Моруа, увидевший родство представителей этих специальностей в том, что «и те и другие относятся к человеческим существам со страстным вниманием; и те и другие забывают о себе ради других людей» [6]. Не потому ли медицина подарила миру так много выдающихся писателей и среди них Ф. Рабле, Ф. Шиллера, А.П. Чехова, В. Даля, А. Конан-Дойла, В. Вересаева, С. Моэма, М.А. Булгакова, А. Кренина, А. Швейцера и других.

В мемуарной и исследовательской литературе можно встретить мнение, что Антон Павлович врачом стал по недоразумению, что медицинская деятельность тяготила его, и он постоянно хотел от нее освободиться. Подобные суждения в значительной степени основываются на высказываниях самого А.П.

Чехова [5]. Но, как справедливо замечает И.Г.Эренбург, в письмах Антона Павловича еще чаще встречаются признания, что ему опротивела литературная работа [7]. Мы же не воспринимаем их всерьез. Каждому знакомы такие моменты в жизни, когда вырываются несвойственные нам и не отражающие действительность слова. В автобиографии Антон Павлович пишет, что в выборе медицинского факультета не раскаивается [4] (рис. 1).

Поступая на медицинский факультет университета, А.П. Чехов не догадывался об уготованной ему судьбе классика русской литературы. Он должен был получить диплом врача, чтобы зарабатывать на хлеб и кормить семью. Вопрос о выборе факультета, по-видимому, был решен на семейном совете еще до отъезда Антона Павловича в Москву. Сохранилось письмо к нему матери, в котором она торопит его с приездом: «Терпенья недостает ждать и, непременно по медицинскому факультету иди, уважь меня, самое лучшее занятие» [8]. Тон письма и просьба «уважить» мать дают повод думать, что у Антона Павловича имелись на этот счет еще какие-то соображения. Но это только догадка.

Так или иначе, 10 августа 1879 г. А.П. Чехов подал заявление на медицинский факультет и был зачислен в Московский университет со стипендией как неимущий от Таганрогской городской управы. В последующем он с лихвой рассчитается с городской управой, создав у себя на родине в Таганроге первую-классную библиотеку. Первое знакомство с университетом произвело на Антона Павловича неблагоприятное впечатление. Литературовед и биограф писателя Г.П. Бердников считает, что это настроение запомнилось Антону Павловичу на долгие годы и через 10 лет выплеснулось на страницах «Скучной истории»: «А вот мрачные, давно не отремонтированные университетские ворота; скучающий дворник в тулупе, метла, куча снега.... Вот и наш сад. С тех пор как я был студентом, он, кажется, не стал ни лучше, ни хуже. Я его не люблю. Было бы гораздо умнее, если бы вместо чахоточных лип, желтой акации и редкой стриженной сирени росли тут высокие сосны и хорошие дубы. Студент, настроение которого в большинстве создается обстановкой, на каждом шагу, там, где он

учится, должен видеть перед собой только высокое, сильное и изящное.... Храни его бог от тощих деревьев, разбитых окон, серых стен и дверей, обитых равной клеенкой...» [9, 10, 11].

Об учебе А.П. Чехова в университете имеются весьма скудные сведения. Отсутствие этих данных свидетельствует о том, что Антон Павлович уже в те годы был человеком чрезвычайно сдержанным. Через несколько лет он скажет брату Николаю, что воспитанные люди «не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают.... Из уважения к чужим ушам они чаще молчат» [3]. Однажды – уже на четвертом курсе – Антон Павлович признается брату Александру, что боится сорваться на выпускных экзаменах. Вероятно он все же бравировал своей неподготовленностью, как это испокон веков было свойственно студентам в общении друг с другом. Хотя можно допустить, что в его медицинском образовании имелись пробелы, вызванные, однако, не «нерадением», а напряженным на протяжении всех лет учебы журналистским и литературным трудом, постоянной заботой о куске хлеба [4, 5, 12, 13, 14].

О том, в каких условиях Антону Павловичу приходилось готовиться к выпускным экзаменам, можно представить из «сопроводилки» в редакцию к очередной порции фельетонов и рассказов: «Пишу при самых гнусных условиях. Передо мной моя нелитературная работа, хлопающая немилосердно по совести...». «Нелитературная работа» – это медицина, а угрызания совести он периодически будет испытывать то перед медициной, то перед литературой в зависимости от того, чему больше будет уделять времени и сил. Однако несмотря ни на что, Антон Павлович весьма успешно осваивает клинические дисциплины. Подтверждением этому могут служить «скорбные листы» («кураторские карточки», «гистории морби») – так именовались истории болезни, обнаруженные в архивах бывшей Ново-Екатерининской больницы и заполненные студентом-Чеховым [8, 15, 16, 17, 18, 19, 20].

О том, как Антон Павлович с этим справлялся, рассказывал профессор Г.И. Россолимо – однокашник А.П. Чехова по медицинскому факультету, один

из основателей отечественной невропатологии: «Антон Павлович подошел к своей задаче не как заурядный студент-медик; он, правда... нанизал материалы элементарного исследования удивительно гладко и аккуратно, проявив в полной мере все качества добросовестнейшего медика-ученика.... Но там, где надо было описать быт и условия жизни пациента, прикоснуться к обыкновенной человеческой жизни, вскрыв ее интимные стороны и дав ее картину, там, где пришлось охарактеризовать болезнь с ее сущностью, условиями развития и течения в то время или в дальнейшем, там чувствуется, что А.П. точно покатило по гладкой дороге, по рельсам, без усилий и без напряжения, видно, что лебедь, поплыл по своей стихии, по гладкой поверхности тихой воды, в отличие от барахтающихся студентов – просто медиков непривычных к живому изложению возникающих в сознании образов» [21].

Анализируя историю неврастения у молодого человека, Антон Павлович очень точно подмечает влияние внушения на слабую психику больного. В данном случае – внушения, вызванного чтением медицинской книги, где были указаны возможные, но не обязательные последствия порока, которым страдал юноша («Больной не замечал этой болезни, ослабления памяти и общей слабости до тех пор, пока не прочитал книги»). Через несколько лет в рассказе «Волк» А.П. Чехов даст прекрасное описание клиники невроза навязчивого состояния у сильного и мужественного человека, не дрогнувшего во время схватки с волком, но потерявшего всякое самообладание и выдержку в томительном ожидании у себя признаков бешенства [8].

Сегодня редкая научная работа по ятрогении обходится без цитаты из записной книжки А.П. Чехова: «Z идет к доктору, тот выслушивает, находит порок сердца. Z резко меняет образ жизни, принимает строфант, говорит только о болезни – весь город знает, что у него порок сердца; и доктора, к которым он то и дело обращается, находят у него порок сердца. Он не женится, отказывается от любительских спектаклей, не пьет, ходит тихо, чуть дыша. Через 11 лет едет в Москву, отправляется к профессору. Этот находит совершенно здоровое

сердце. З рад, но вернуться к нормальной жизни уже не может, ибо ложиться с курами, и тихо ходить он привык, и не говорить о болезни ему уже скучно. Только возненавидел врачей и больше ничего» [5, 22].

На последнем курсе университета и в первый год самостоятельной врачебной практики А.П. Чехов предпринял попытку научного исследования в области истории медицины. Работу эту Антон Павлович не афишировал и только в 1930 г. в архиве писателя обнаружена рукопись под названием «Врачебное дело в России» [23]. Судя по перечню литературы, он намеревался изучить врачевание с древнейших времен. Так же как герой его рассказа «Студент» он верил, что прошлое связано с настоящим непрерывной цепью событий, вытекающих одно из другого. В этой работе Антон Павлович сумел показать, как можно увязать медицину с, казалось бы, далекой от нее историей государства Российского и с помощью медицинского диагноза найти ключ к решению одной из увлекательнейших исторических загадок [24].

«Самозванец не знал падучей болезни, которая была врожденна у царевича», – записал он в комментариях к показаниям современников о причинах смерти Дмитрия Угличского. А.П. Чехов, по-видимому, был чрезвычайно горд этим своим открытием и спустя 5 лет рассказал о нем А.С. Суворину: «У настоящего царевича Дмитрия была наследственная падучая, которая была бы и в старости, если бы он остался жив. Стало быть, самозванец был, в самом деле, самозванцем, т.к. падучей у него не было. Сию Америку открыл врач Чехов» [25]. Хотя диссертация «Врачебное дело в России» так и не была написана, опыт научной работы, приобретенный А.П. Чеховым, не пропал даром и пригодился ему при работе над рукописью «Остров Сахалин».

Годы учебы Антона Павловича в университете совпали с периодом бурного расцвета биологии и клинической медицины. Микробиологи во главе с Л. Пастером, Р. Кохом, И.И. Мечниковым вели наступление на инфекционные болезни. Физиолог И.М. Сеченов распространил понятие рефлекса на душевную жизнь человека. А.П. Чехов глубоко воспринял сеченовскую формулу единства

психической и физической сфер человеческой жизни. Еще прочно возвышалось стройное здание «целлюлярной патологии», – возведенное в середине XIX в. немецким патологом Р. Вирховым – создателем учения о клетке как материальном субстрате болезни, но уже в недрах терапевтической школы, возглавляемой С.П. Боткиным, изучались физиологические механизмы, объединяющие разрозненные клетки и органы в неделимый организм [18, 21, 26, 27, 28, 29].

Антон Павлович был хорошо знаком с трудами С.П. Боткина и, узнав о болезни знаменитого петербургского профессора, очень встревожился: «Что с Боткиным? В русской литературе он, то же самое, что Тургенев в литературе... (Захарьина я уподобляю Толстому) – по таланту». Антон Павлович постоянно сравнивал своих учителей в медицине с писателями и как бы высоко он ни ставил имя С.П. Боткина, все же первое место он отдавал Г.А. Захарьину, как в литературе – Л.Н. Толстому [5, 30]. Это был период, когда зарождались новые врачебные дисциплины, и Г.А. Захарьин немало способствовал этому. Однако наряду с С.П. Боткиным он возражал против узкоспециализированного, локалистичного подхода к больному и болезни, учил «мыслить по-медицински, то есть судить по общему, а не по частностям» [31]. Кто судит «по частностям, тот отрицает медицину, – писал Антон Павлович. – Боткин же, Захарьин, Вирхов и Пирогов, несомненно, умные и даровитые люди, веруют в медицину, как в бога, потому что выросли до понятия «медицина» [26, 28].

Когда Г.А. Захарьина упрекали в недооценке новых диагностических приемов и методов исследования, он возражал: «Сколько раз приходилось мне видеть неудовлетворительную деятельность врачей. Набирает такой врач массу мелочных и ненужных данных и не знает, что с ними делать; истратит свое время и внимание на сбор этих данных и, не пройдя правильной клинической школы, не замечает простых, очевидных и вместе важнейших фактов... Такой врач полагает всю «научность» своего образа действий в приложении «точных» и, конечно, последних, новейших методов исследования, не понимая, что наука

– высшее здравомыслие – не может противоречить простому здравому смыслу» [31]. Насколько актуальны эти слова и сегодня!

Профессор Захарьин был ярким сторонником профилактического направления в медицине. Он любил повторять: «Копят болезнь пудами, а выходит она из человека фунтами». Антон Павлович, конечно, не раз слышал на лекциях это выражение. Много позже умирающий писатель в письмах из Баденвейлера переписывал в различных вариациях: «Здоровье мое поправляется, входит пудами, а не золотниками» – и, наверно, грустно улыбался в этот момент, вспоминая, как по-настоящему звучит любимая поговорка его учителя [32].

Во врачебном мире Г.А. Захарьин был фигурой независимой и весьма колоритной. А.П. Чехову, ценившему личную независимость и свободу, выдавливавшему из себя, как он писал, по каплям раба, не могла не понравиться эта же черта в характере Г.А. Захарьина, отказавшегося от должности лейб-медика, которую ему предлагали в связи с болезнью императора Александра III. «Врач должен быть независим не только как поэт, как художник, но выше этого как деятель, которому доверяют самое дорогое – здоровье и жизнь», – говорил Г.А. Захарьин [31].

Эту же мысль высказывает Антон Павлович в «Скучной истории»: «Чувство свободы и личная инициатива в науке не меньше нужны, чем в искусстве». В этом рассказе, пожалуй, больше, чем в каком-либо другом чеховском произведении использованы университетские «мотивы» биографии писателя. Знатки истории отечественной медицины находят несомненное сходство между замечательным русским ученым, основоположником московской школы гистологов Александром Ивановичем Бабухиным и главным героем повести Николаем Степановичем, от лица которого ведутся записки [33, 34]. Авторитетный исследователь творчества А.П. Чехова профессор Е.Б. Меве показал совпадение не только фактов биографии, возраста, но и внешних данных и даже болезни героя и прототипа [18].

По воспоминаниям современников, имя А.И. Бабухина для Москвы значило то же, что М.И. Сеченова – для Петербурга. «Бабухин, – говорил Г.А. Захарьин, – это талант, сила и красота нашего университета». Профессор Николай Степанович – тоже личность незаурядная, а длинный список его друзей украшают такие имена, как Н.И. Пирогов, К.Д. Кавелин, Н.А. Некрасов. «Испуская последний вздох, – читаем мы признание этого чеховского персонажа, – я все-таки буду верить, что наука – самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека, что она всегда была и будет высшим проявлением любви и что только ею одною человек победит природу и себя». И все-таки профессор из повести – образ собирательный, точно так же, как и сама история, рассказанная Николаем Степановичем, и названная автором «скучной» [5, 11, 35].

Весной 1884 г. Антон Павлович успешно выдержал выпускные государственные экзамены. Врачебная деятельность А.П. Чехова началась в условиях скромной земской больницы недалеко от Воскресенска (ныне г. Истра Московской области). Здесь он прошел главную врачебную школу – школу сострадательного отношения к больному и бескорыстного служения общественному благу. Этой школе он останется верен всю свою жизнь.

Интерес представляет оценка работы молодого доктора, сделанная его опытным коллегой П.А. Архангельским: «Антон Павлович производил работу не спеша, иногда в его действиях выражалась как бы неуверенность; но все он делал с вниманием и видимой любовью к делу, особенно с любовью к тому больному, который проходил через его руки. Он всегда терпеливо выслушивал больного, ни при какой усталости не возвышал голоса, хотя бы больной говорил, не относящееся к уяснению болезни... Душевное состояние больного всегда привлекало особое внимание Антона Павловича...» [17, 36, 37, 38, 39].

Это был хороший период в жизни Антона Павловича. «Живу с апломбом», – в шутливой манере оценивает он свое настроение первых недель после окончания университетского курса. Главная проблема, одолевавшая его не один год, – чему же все-таки себя посвятить: врачебному делу или писательскому –

была решена (во всяком случае – на время) в пользу медицины. Перед ним, как он сам говорил, открылась стезя Боткина и Захарьина. Удивительно, что никто из чеховского окружения не разглядел в его ранних рассказах гениального художника. В этом смысле примечательно признание его друга писателя В.А. Гиляровского, что только «Каштанка» и «Степь» открыли ему глаза на истинное значение А.П. Чехова [40].

Столичные клинические больницы в то время были переполнены штатными и сверхштатными ординаторами, и хлопоты Антона Павловича устроится врачом, вероятно, не очень настойчивые, не увенчались успехом. Он решает попытать счастья на поприще городского частнопрактикующего врача. Его письма в этот период полны изредка серьезной, а чаще шутливой информации о медицинской практике, которая, как он отмечает в разное время, «то наклеивается помаленьку, то налаживается», однако, судя по всему, дохода не приносит. Он шутит по поводу своей клиентуры: «Лечу в аристократических домах. Например, сейчас еду к графине Келлер, лечить... ее повара и к Воейковой – лечить горничную».

Что и говорить, клиентуру его нельзя назвать состоятельной и А.П. Чехов нередко отказывается от положенного ему гонорара [15, 19, 28]. Однажды, когда он не взял плату за лечение, благодарная пациентка подарила дорогому доктору чернильницу с бронзовой статуэткой. Эпизод этот подсказал тему юморески о бронзовом канделябре («Произведение искусства»). То и дело к нему за помощью обращаются родственники, друзья, знакомые. «Иметь у себя в доме врача – большое удобство», – иронизирует по этому поводу Антон Павлович. Но это не более чем шутка [33, 41, 42].

Об ответственности, с какой Антон Павлович относился к своим врачевным обязанностям, свидетельствует его письмо издателю «Нового времени» А.С. Суворину, предложившему молодому литератору сотрудничать в столичной газете: «Я врач и занимаюсь медициной.... Не могу я ручаться за то, что завтра меня не оторвут на целый день от стола.... Тут риск не написать к сроку

и опоздать постоянный...». И даже в письме к одному из старейших русских писателей Д.В. Григоровичу, который оказался проницательнее многих и сумел разглядеть в А.П. Чехове настоящий талант, выдвигающий его «далеко из круга литераторов нового поколения» Антон Павлович напишет, что он «врач и по уши втянут в свою медицину» [14, 25].

Однако А.П.Чехов, ободренный Д.В. Григоровичем, все больше и больше будет уделять времени и душевных сил литературному творчеству, поняв, что именно оно является истинным призванием. А с медициной он поступит, как в свое время с литературой, выделив для врачебной практики несколько часов в день. Стетоскоп и докторский молоточек можно увидеть в доме-музее Антона Павловича рядом с чернильным прибором и это – не только экспонаты, символизирующие медицинскую профессию писателя. По свидетельству его сестры Марии Павловны, они всегда лежали на письменном столе брата и нередко использовались по назначению [43, 44].

Большинство биографов А.П. Чехова подчеркивают, что он не сменил одну профессию на другую, как это сделали, например, его великие предшественники – профессор медицины в Монпелье Ф. Рабле и полковой врач Ф. Шиллер. Антон Павлович до последних дней своей жизни сохранил тесную связь с врачебной профессией [11, 17, 26]. Пик медицинской деятельности А.П. Чехова приходится на мелиховский период его жизни (90-е гг. XIX в) – один из наиболее значительных и плодотворных в творческой биографии писателя (рис. 2). Избранный земским гласным, доктор Чехов активно участвует в работе земского собрания, уделяя особое внимание народному образованию и просвещению. На свои деньги строит школы в нескольких деревнях. Значительную часть общественной жизни составляет врачебная работа. Профессия врача помогла ему снискать любовь и уважение, завоевать сердца крестьян, а без этого, не были бы созданы ни «Моя жизнь», ни «Мужики», ни «В овраге» [12, 34, 36, 37].

А.П. Чехов никогда никому не отказал в помощи, и не было случая, чтобы он высказал сожаление по поводу своей добровольной нагрузки. Любопыт-

ные высказывания зажиточного крестьянина о докторе Чехове оставил писатель Н.Д. Телешов: «Чудак-человек! Бестолковый!.. Ну, скажи, хорошо ли: жену мою, старуху, ездил лечить – вылечил. Потом я захворал – меня лечил. Даю денег, а он не берет. Говорю: «Антон Павлыч, милый, что же ты делаешь? Чем жить-то будешь? Человек ты не глупый, дело свое понимаешь, а денег не берешь, чем тебе жить-то?.. Смеется и больше ничего. Старик рассказывал, а сам крутил головой и вздыхал, а то по-хорошему улыбался. Видно было, что он искренне уважает своего «бестолкового» доктора, только не одобряет его поведения...» [13, 19].

Французский писатель и критик Ш. Дю Бос утверждал: «Чтобы правильно определить положение Чехова, нужно найти термин равнозначный мудрецу и святому» [цит. по 6]. Желание служить доброму делу, было у А.П. Чехова желанием души, самым естественным его желанием, условием личного счастья – и непосредственным образом проявлялось в его медицинской деятельности. Правда в письмах той поры иногда чувствуется раздражение, усталость, а иногда – просто крик отчаяния: «Душа моя утомлена. Скучно. Не принадлежать себе, думать только о поносах, вздрагивать по ночам от собачьего лая и стука в ворота (а не за мной ли приехали?), ездить на отвратительных лошадях по неведомым дорогам и читать только про холеру и ждать холеры». Однако на основании этого и подобных высказываний Антона Павловича делать вывод, что он разочарован в медицине, по меньшей мере, несправедливо. Ведь еще через два месяца по поводу этих событий он напишет тому же адресату: «Летом трудно жилось, но теперь мне кажется, что, ни одно лето я не проводил так хорошо, как это» [4, 14].

Замечательный доктор Астров, которого трудно обвинить в нелюбви к больным или к своей профессии откровенно раскрывает старой няньке понятные любому человеку и вполне оправданные переживания: «От утра до ночи все на ногах, покою не знаю, а ночью лежишь под одеялом и боишься, как бы к больному не потащили. За все время, пока мы с тобой знакомы, у меня ни одно-

го дня не было свободного» [5]. Именно за это признание, Г.П. Задера обрушился на чеховских врачей, в том числе на доктора Астрова, в пылу полемики расценив эти слова как отказ врача оказывать помощь нуждающимся [45]. По-видимому, было бы противоестественно, если бы неожиданный вызов к больному, да еще по дальней дороге в непогоду и ночью воспринимался бы врачом как приглашение к легкой и приятной прогулке.

Занимаясь медицинской практикой, А.П. Чехов вел обычную жизнь врача-труженика, врача-подвижника. Сколько раз он, не чувствуя страха, «ловил за хвост холеру» или спешил на вызов к ребенку больному дифтерией, или считал пульс у тифозного больного – сколько раз рисковал он собственной жизнью совершенно не думая о себе. И не только рисковал жизнью, но и сокращал ее, потому что нес эту невероятную нагрузку тяжело больной человек, которому требовались покой и лечение [16, 38, 42]. Антон Павлович любил медицину, дорожил и гордился званием врача. По свидетельству многих современников он принимал близко к сердцу сомнения в его врачебных достоинствах: «Когда-нибудь убедятся, что я, ей-богу, хороший медик», – заметил он в беседе с братом одного из основателей МХАТа, писателем В.И. Немировичем-Данченко [46]. И это при исключительной скромности, которая отличала Чехова!

«Ты думаешь, я плохой доктор? – спрашивает он у В.А. Гиляровского и в свойственной ему манере заканчивает иронически: – Полицейская Москва меня принимает за доктора, а не за писателя, значит, я доктор. Во «Все́й Москве» напечатано: «Чехов Антон Павлович. Малая Дмитровка, Дом Пешкова. Практикующий врач» Так и написано: не писатель, а врач» [40]. Вызванное резким ухудшением здоровья в 1897 г. прекращение регулярной медицинской практики было для него, как он признавался, крупным лишением. Однако и после этого он не переставал чувствовать себя врачом, щедро раздавая своим друзьям и знакомым медицинские советы.

Врач «выглядывает» из многих рассказов и очерков А.П. Чехова, даже не имеющих никакого отношения к медицинской тематике. Увидеть врача часто

помогает отношение к предметам, к их сущности, нередко выраженной точным сравнением, почерпнутым из врачебного опыта. Так, в путевом очерке «Из Сибири» он остроумно сравнивает первоклассного кузнеца, осматривающего сломанный тарантас с хорошим врачом-практиком, которому скучно лечить неинтересную болезнь. О тунеядце, живущем за счет женщины, он говорит, что это был «нарост вроде саркомы, который истощал ее совершенно». Даже кляксы у него на бумаге – вовсе не кляксы, а следы коховских запятых, микрококков и другой нечисти, свивших гнездо в его чернильнице. И еще – сказать о самых близких людях, что они ему дороги, как больные, которых он вылечил, мог только настоящий врач.

А.И. Куприн, близко знавший Антона Павловича в последние годы его жизни, в статье, посвященной памяти старшего друга, писал: «Если бы Чехов не был таким замечательным писателем, он был бы прекрасным врачом. Доктора, приглашавшие его изредка на консультации, отзывались о нем, как о чрезвычайно вдумчивом и находчивом, проницательном диагносте» [11, 28]. А.П. Чехов постоянно следил за новейшей медицинской литературой и, самое главное, обладал проницательным взглядом всевидящего художника. «Он видел и слышал в человеке – в его лице, голосе и походке – то, что ускользало от глаза среднего наблюдателя, – так объясняет секреты врачебного искусства Чехова А.И. Куприн. – Верил он в медицину твердо и крепко, и ничто не могло пошатнуть эту веру. Помню я, как однажды он рассердился, когда кто-то начал третиловать медицину по роману Э. Золя – «Доктор Паскаль». – Золя ваш ничего не понимает и все выдумывает у себя в кабинете, – сказал он, волнуясь и покашливая. – Пусть бы он поехал и посмотрел, как работают наши земские врачи и что они делают для народа» [4, 9, 30].

Медицинский мир А.П. Чехов знал не понаслышке. «У врачей бывают отвратительные дни и часы, не дай бог никому этого, – не только по наблюдениям, но и на основании собственного опыта напишет он А.С. Суворину и еще раз повторит: – Те отвратительные часы и дни, о которых я говорю, бывают только

у врачей, и сие, говоря по совести, многое простить должно». Антон Павлович органически не выносил необоснованных нападков на врачей и не спускал их даже своему кумиру – Л.Н. Толстому, о котором говорил, что ни одного человека на земле не любит, как его, и что без Толстого у него в жизни образовалось бы «большое пустое место» [5, 25].

Выступая в защиту врачей А.П. Чехов, однако, далек от стремления, во что бы то ни стало защитить честь мундира. Он предостаточно видел среди врачей и невежд, и хамов, как и среди людей других профессий. И хотя он считает, что за те «отвратительные часы и дни», которые бывают только у врачей, им многое можно простить, не склонен прощать такого порока, как стяжательство. На протяжении всего творческого пути Антон Павлович будет развивать образ врача-стяжателя, считающего купюры, чтобы, наконец, заклеить его в ставшем нарицательном образе Ионыча. «Мой папа был доктором, а доктора одним осязанием угадывают качество бумажки», – иронизирует он в фельетоне «На магнетическом сеансе» [11, 14, 35].

Подобно своим учителям – С.П. Боткину и А.Г. Захарьину – А.П. Чехов свято верил в медицину и считал, что все другие, ненаучные способы лечения болезней являются шарлатанством. Спиритизм, магнетизм, знахарство – для Антона Павловича понятия почти равнозначные. В своих произведениях А.П. Чехов приводит целую череду врачей, среди которых встречаются малограмотные и даже невежественные [5, 17]. Однако если бы Антон Павлович в своем творчестве ограничился только этими Чебутыкиными, Ионычами, Свистицкими, Шелестовыми, Белавиными, то можно было бы согласиться с мнением Г.П. Задеры – участника одной из дискуссий, развернувшейся вокруг чеховских врачей вскоре после смерти писателя, о том, что врачебное сословие выродилось и находится на краю бездны [45]. Однако А.П. Чехов видел и других врачей – бескорыстных, интеллигентных, дельных и знающих – писал об их нелегкой жизни, ничего не приукрашивая. Когда один из персонажей пьесы «Чайка» высказывает предположение, что у доктора Дорна «денег куры не клюют», тот

отвечает: «За тридцать лет практики, когда я не принадлежал себе ни днем, ни ночью, мне удалось скопить только две тысячи, да и те я прожил недавно за границей. У меня ничего нет» [4, 5, 10].

В одном из очерков А. Моруа спрашивает: «Кто в описании врачей может соперничать с Бальзаком? И разве не необходимо было хоть немного ощутить себя врачом, чтобы создать образы доктора Бьяншона и хирурга Десплена? Кто лучше тяжело больного Пруста знал цену доверию, которое возбуждает в нас человек, глазом более проницательным, чем наш собственный, угадывающий тайну нашего организма?» [6]. На вопрос французского романиста и биографа можно ответить – Антон Павлович Чехов, ибо ему не надо было представлять себя врачом и больным – он был един в трех лицах: писателя – врача – больного. Отсюда та достоверность, которая отличает каждое его слово (рис. 3).

В январе 1902 г. в Москве состоялся VIII съезд общества русских врачей, основанного в год смерти Н.И. Пирогова (1881) и названного в честь и память великого хирурга пироговским. А.П. Чехов записался участвовать в работе съезда, но по состоянию здоровья не смог приехать в Москву. 12 января в Ялту пришли поздравительные телеграммы. По словам Антона Павловича, они подняли его на высоту, о какой он никогда не мечтал. Телеграммы настолько взволновали и тронули писателя, что он, обычно с юмором относившийся ко всяким почестям, изредка выпадавшим на его долю, не выскажет на этот раз ни одной насмешливой или шутливой фразы.

Один из основателей и руководителей Пироговского общества доктор Е.А. Осипов телеграфировал: «Присоединяясь к товарищам, от всей души желаю доброго здоровья Вам, глубокоуважаемый Антон Павлович, и долгого процветания Вашему чудному таланту» [8].

Следует отметить, что в канун XX в. А.П. Чехову был «пожалован» орден Святого Станислава 3-й степени. Тем же «высочайшим указом» его произвели в потомственные дворяне. Однако «монаршья милость» Николая II не встретила резонанса в душе писателя, и в письмах к друзьям и родным он даже не посчи-

тал нужным сообщить об этом факте. Признание коллег-врачей Антон Павлович расценивал как высшую честь и награду, которую он принимал с радостью, хотя из скромности считал, что досталась она ему не по заслугам.

Глубокое изучение трудов И.М. Сеченова, К.А. Тимирязева и Ч. Дарвина воспитало в А.П. Чехове материалиста. Он гордился своим мировоззрением. Ни перед чем Антон Павлович так не преклонялся, как перед достижениями научной мысли: «Естественные науки делают теперь чудеса, и они могут двинуться, как Мамай, на публику, и покорить ее своею массою, грандиозностью», – прогнозирует А.П. Чехов научный «бум» XX столетия. И даже в «Палате № 6», окунувшись в чудовищную атмосферу рагинской больницы – заведения безнравственного и вредного для здоровья, писатель не забывает напомнить, что эта средневековщина существует в период бурного расцвета медицины, когда благодаря антисептике рядовые хирурги с успехом производят операции, о которых даже не мечтал великий Пирогов, когда радикально излечивается сифилис, когда на земле есть Пастер и Кох [12, 14, 18].

«Занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность, – читаем в автобиографии писателя, – они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями.... Они имели также и направляющее влияние, и, вероятно, благодаря близости к медицине, мне удалось избежать многих ошибок. Знакомство с естественными науками, с научным методом держало меня настороже, и я старался, где было возможно, соображаться с научными данными, а где невозможно – предпочитал не писать вовсе» [4]. В ялтинском доме писателя С.Д. Балухатый обнаружил более 100 томов специальной литературы по различным отраслям медицинских знаний. Библиотека эта – не «мертвый груз» и не память о студенческих годах. Исправленные рукой Антона Павловича опечатки в ряде книг, изданных уже после окончания им университета, свидетельствуют, что он продолжал следить за развитием медицинской науки [11, 17, 24].

Доктор Чехов проявил поразительные для своего времени познания о причинах происхождения ряда заболеваний. В этом плане интерес представляют высказывания молодого врача о болезни шестидесятипятилетнего писателя Д.В. Григоровича: «Старичина поцеловал меня в лоб, обнял, заплакал от удивления, и... от волнения у него приключился жесточайший припадок грудной жабы. Он невыносимо страдал, метался, стонал». В приведенном отрывке показана четкая связь приступа стенокардии с эмоциональным напряжением. А.П. Чехов рассматривает стенокардию у Д.В. Григоровича как проявление «атероматозного процесса».

«Об этой болезни Вы составите себе ясное представление, если вообразите обыкновенную каучуковую трубку, которая от долгого употребления потеряла свою эластичность, сократительность и крепость, стала более твердой и ломкой, – объясняет он как хороший популяризатор, не имеющему ни малейшего представления о медицине А.С. Суворину: просто и абсолютно точно. – Артерии становятся такими вследствие того, что их стенки делаются с течением времени жировыми или известковыми. Достаточно хорошего напряжения чтобы такой сосуд лопнул. Так как сосуды составляют продолжение сердца, то обыкновенно и само сердце находят перерожденным. Питание при такой болезни плохо. Само сердце питается скудно, а потому и сидящие в нем нервные узлы болят, – отсюда грудная жаба» [5].

Известный терапевт профессор Г.П. Шульцев, анализируя эти высказывания А.П. Чехова, отмечает их полную созвучность современным представлениям о перерождении сердца и причинах боли. Г.П. Шульцев подчеркивает, что термин «атероматозный процесс», жировое перерождение артерий был применен А.П. Чеховым на 6–7 лет раньше, чем он вошел в широкий врачебный обиход. По мнению специалиста-кардиолога, – это не пересказ лекций Г.А. Захарьина, а собственные взгляды доктора Чехова на причину болезни.

Профессор Шульцев считает, что А.П. Чехова следует отнести к числу выдающихся русских врачей конца XIX в. [47]. С его мнением солидарен круп-

нейший терапевт, академик И.А. Кассирский [48]. А замечательный хирург, академик С.С. Юдин среди выдающихся деятелей отечественной медицины, воспитанных в стенах Московского университета – Н.И. Пирогова, С.П. Боткина, И.М. Сеченова, Н.В. Склифосовского, С.П. Федорова, Н.А. Вельяминова, С.И. Спасокукоцкого, – назвал имя А.П. Чехова [8].

Глубокие и разносторонние медицинские познания Антон Павлович тонко вплетает в «кружево» своих произведений. И хотя он признается, что изображает больных лишь постольку, «поскольку они являются характерами или постольку они картины», в его произведениях можно встретить образы людей, страдающих самыми различными заболеваниями. При этом, освещая медицинские проблемы, он поднимает их до общечеловеческого звучания.

Испытывая тяготение к научной и преподавательской деятельности, А.П. Чехов хотел прочитать студентам курс лекций по весьма оригинальной тематике – субъективное ощущение больного человека. К преподаванию в университете его, как известно, не допустили. Однако сегодня «внутренняя патология страданий» – тот предмет, который предполагал читать Антон Павлович, вряд ли может обойтись без его произведений. Ведь мало кто из писателей и ученых проникал так глубоко в сложную сущность человеческого страдания [18].

Каковы ощущения человека, находящегося в лихорадочном состоянии? Откройте рассказ «Тиф». Молодой поручик возвращается домой. Ему нездоровится. Он с ненавистью смотрит на соседа по купе, задающего какие-то вопросы. Он не находит себе места. Руки и ноги его не укладываются на диване, хотя весь диван в его распоряжении. Во рту поручика сухо и липко. В голове тяжелый туман. «Мысли его, казалось, бродили не только в голове, но и вне черепа, меж диванов и людей, окутанных в ночную мглу. Сквозь головную муть, как сквозь сон, слышал он бормотанье голосов, стук колес, хлопанье дверей» [5]. Кто хоть раз испытывал лихорадочное состояние, должен согласиться, что А.П. Чехов передал его весьма точно.

В этом же рассказе Антон Павлович передает радость человека, выздоравливающего после тяжелой болезни, внезапно оказавшегося на грани жизни и смерти: «Всем его существом, от головы до ног, овладело ощущение бесконечного счастья и жизненной радости, какую, вероятно, чувствовал первый человек, когда был создан и впервые увидел мир.... Он радовался своему дыханию, своему смеху, радовался, что существует графин, потолок, луч, тесемка на занавеске. Мир божий даже в таком тесном уголке, как спальня, казался ему прекрасным, разнообразным, великим. Когда явился доктор, поручик подумал о том, какая славная штука медицина, как мил и симпатичен доктор, как вообще хороши и интересны люди» [5].

З.С. Паперный, исследователь жизни и творчества А.П. Чехова, называет его «великим диагностом человеческой души» и расшифровывает свое определение: «...он представляет все неисчерпаемое многообразие человеческих случаев, ситуаций, вариантов». К.Г. Паустовский, оценивая влияние «второй» профессии на творчество Антона Павловича, писал: «То, что Чехов был врачом, не только дало ему знание людей, но сказалось и на его стиле. Если бы Чехов не был врачом, то, возможно, он бы не создал такую острую как скальпель, аналитическую и точную прозу. Некоторые его рассказы («Палата № 6», «Скучная история», «Попрыгунья» и многие другие) написаны как образцовые психологические диагнозы» [14, 17].

Кто выслушает одинокого, засыпанного мокрым снегом извозчика Иону, у которого умер сын? («Тоска»). У него нет сил, молчать, потому что тоска громадная, не знающая границ, готовая залить мир ищет выхода. Но никому из тысяч людей, снующих по улице нет дела до Ионы и его горя. Разве только лошади можно излить душу. « – Так-то, брат, кобылочка.... Нету Кузьмы Ионыча.... Приказал долго жить.... Взял и помер зря... Теперя, скажем, у тебя жеребеночек, и ты этому жеребеночку родная мать.... И вдруг, скажем, этот самый жеребеночек приказал долго жить.... Ведь жалко? – Лошаденка жует, слушает и дышит на руки своего хозяина.... Иона увлекается и рассказывает ей все» [5].

«Мне как медику кажется, что душевную боль я описал по всем правилам психиатрической науки!» – с гордостью заметил А.П. Чехов о рассказе «Припадок». Рассказ этот был навеян личностью писателя В.М. Гаршина и его трагичной кончиной. Подобно томлящемуся в сумасшедшем доме благородному герою «Красного цветка», готовому принять на себя страдания всего человечества и мечтающему о том времени, когда «распадутся железные решетки», томился и не выдержал вселенской боли В.М. Гаршин. Рассказывают – когда к нему, бросившемуся в лестничный пролет, подбежали люди и спросили, болит ли сломанная нога, он отрицательно покачал головой и показал на сердце. Сильнее чем нога болела израненная душа [4, 11, 35].

«Таких людей, как покойный Гаршин, я люблю всей душой и считаю своим долгом публично расписаться в симпатии к ним», – писал Антон Павлович. «Молодой человек гаршинской закваски, недюжинный, честный и глубоко чуткий, попадает первый раз в жизни в дом терпимости», – так в общих Чертах А.П. Чехов определяет замысел рассказа «Припадок» и облик его героя.

Уже в рассказе, давая расшифровку, что значит «гаршинская закваска», он напишет о студенте Васильеве: «...Есть таланты писательские, сценические, художнические, у него же особый талант – человеческий. Он обладает тонким великолепным чутьем к боли вообще. Как хороший актер отражает в себе чужие движения и голос, так Васильев умеет отражать в своей душе чужую боль. Увидев слезы, он плачет; около больного он сам становится больным и стонет; если видит насилие, то ему кажется, что насилие совершается над ним, он трусит, как мальчик, и, струсив, бежит на помощь. Чужая боль раздражает его, возбуждает, приводит в состояние экстаза и т.п.» [4].

Сам А.П. Чехов, как заметил А.М. Горький, в совершенстве обладал талантом тонкого чутья к чужой боли. Поэтому с такой силой он смог прочувствовать и передать переживания извозчика Ионы Потапова, похоронившего сына, и токаря Григория Петрова, везущего в больницу умирающую жену и за-

мерзающего по дороге («Горе»), и Васильева – Гаршина, охваченного душевной болью за оскорбленных, униженных и погибающих женщин [49].

Потрясение, пережитое Васильевым, вызывает у него приступ неутолимой душевной боли. «Васильев лежал неподвижно на диване и смотрел в одну точку. Он уже не думал ни о женщинах, ни о мужчинах... Все внимание его было обращено на душевную боль, которая мучила его. Это была боль тупая, беспредметная, неопределенная, похожая на тоску, и на страх в высочайшей степени, и на отчаяние. Указать, где она, он мог: в груди, под сердцем; но сравнить ее нельзя было ни с чем. Раньше у него бывала сильная зубная боль, бывали плеврит и невралгии, но все это в сравнении с душевной болью было ничтожно. При этой боли жизнь представлялась отвратительной» [5].

Необходимо отметить, что «душевная боль» (психалгия) – не только образное выражение, но и медицинский термин, характеризующий психическое страдание человека при котором изменение настроения порой доходит до «безысходной» тоски, до величайшего отчаяния. Профессор Е.Б. Меве, произвел сравнительное исследование описания душевной боли А.П. Чеховым и крупнейшими отечественными психиатрами С.С. Корсаковым и А.В. Снежневским и пришел к выводу, что состояние это Антон Павлович описал «по всем правилам психиатрической науки» [18].

По воспоминаниям современников Антона Павловича, особый интерес он проявлял к психиатрии и, если бы не сделался писателем то, скорее всего, стал бы специализироваться в этом разделе медицины, имеющем дело с исследованием духовной деятельности человека. Кстати, медицинский термин «психопат», появившийся в конце XIX века и обозначающий человека, имеющего пограничные с патологией расстройства нервной деятельности, получил распространение среди непрофессионалов благодаря творчеству А.П. Чехова, на что указывал известный психиатр О.В. Кербиков [50]. В рассказе «Психопаты» Антон Павлович дает строго научную характеристику этого состояния, выделяя

такие свойства характера психопата, как мнительность, трусость, беспредметный страх («что-то будет») [18].

«Я врач и посему, чтобы не осрамиться, должен мотивировать в рассказах медицинские случаи», – писал А.П. Чехов по поводу рассказа «Именины». И потом был чрезвычайно обрадован, когда узнал, что читательницы одобрительно отзываються о достоверности сцены родов в этом рассказе. В описании «медицинских случаев» писатель использует разработанную им манеру письма – несколькими характерными штрихами создавать целостную картину болезни. «Право недурно быть врачом и понимать то, о чем пишешь», – заметил Антон Павлович в одном из своих писем [5].

Рассказы и пьесы А.П. Чехова лучше специальных журналов и книг показывают, какие медицинские проблемы занимали людей в начале XX столетия. Такая актуальная в настоящее время болезнь как рак, упоминается в трех произведениях Антона Павловича. Вернее, в двух, потому что смерть героя рассказа «Крыжовник» от рака желудка осталась только в первоначальных замыслах писателя. В «Попрыгунье» доктор Дымов вскрывает труп больного злокачественной анемией и находит у него рак поджелудочной железы. Более подробно больная раком молочной железы изображена в повести «Три года». Необходимо отметить что, редактируя эту повесть, Антон Павлович производит значительные сокращения текста, но при этом сохраняет большинство подробностей, имеющих отношение к болезням ее героев [9, 17, 51].

Как врач А.П. Чехов был хорошо ориентирован в симптоматике злокачественных опухолей. На вопрос журналиста в 1900 г., какой болезнью страдает Л.Н. Толстой, он отвечает, что рака у него нет, так как эта болезнь, прежде всего, отразилась бы на аппетите, на общем состоянии, а главное, «лицо выдало бы рак, если бы он был. Вернее всего, что Л.Н. здоров... и проживет еще лет двадцать» [4].

Значительно чаще, чем рак в произведениях и письмах Антона Павловича упоминается чахотка. Умирает от туберкулеза студент Саша – из последнего

чеховского рассказа «Невеста»; безуспешно лечиться от туберкулеза жена главного героя пьесы «Иванов»; задыхаются в пароходном лазарете по пути с Дальнего Востока на родину солдаты, больные последней стадией чахотки («Гусев»). Интерес А.П. Чехова к туберкулезу нельзя объяснить только тем, что писатель сам был болен этой болезнью. Достаточно вспомнить погибшую от чахотки Марусю Приклонскую из рассказа «Цветы запоздалые», написанного, когда писатель был здоров [5].

Интерес Антона Павловича к туберкулезу обусловлен, прежде всего, тем, что чахотка была самым распространенным заболеванием в России и занимала первое место среди причин смерти. Сегодня на авансцену вышли другие болезни. Однако и сейчас с замиранием сердца мы следим за развитием болезни доктора Дымова; до слез нас трогает судьба задыхающегося в корабельном лазарете бунтаря Павла Ивановича и тихого безропотного Гусева; нельзя спокойно читать об участи узников палаты № 6. И даже когда вовсе исчезнут болезни, описанные А.П. Чеховым, «чужая боль», выстраданная гениальным писателем, будет волновать человеческие сердца.

«Подвижники нужны как солнце, – писал А.П. Чехов. – ...Их личности – это живые документы, указывающие обществу, что... есть еще люди подвига, веры и ясно сознанной цели» [4]. Эти слова, посвященные Н.М. Пржевальскому можно целиком отнести к Антону Павловичу. Когда А.П. Чехов писал этот очерк, он уже был готов к опасностям и лишениям, которые выпадут на его долю в поездке на Сахалин. В то время о Сахалине сложили пословицу: «Кругом море, а посередине – горе». Антон Павлович считает для себя необходимым окунуться в это горе, побывать на этом острове невыносимых человеческих страданий.

В одном из очерков А. Моруа приводит любопытную мысль, что в творчестве писатель «компенсирует себя, как может за некоторые несправедливости судьбы», возобновляя жизнь в своих произведениях под новой маской. Так, по его мнению, Фабриций в «Пармской обители» – это Стендаль в роли молодого

и красивого аристократа [6]. Несложно заметить связь между А.П. Чеховым и некоторыми из его литературных героев. Но он не прячет свое лицо за чужой маской. Хотя научная карьера Антона Павловича не удалась, он не изображает себя в образе преуспевающего профессора. Превозмогая тяжелую болезнь, он едет на Сахалин, где проделывает большую научно-исследовательскую работу.

Отправляясь на Сахалин, скромнейший Антон Павлович пишет А.С. Суворину: «Еду я совершенно уверенный, что моя поездка не даст ценного вклада ни в литературу, ни в науку: не хватит на это ни знаний, ни времени, ни претензий... Я хочу написать хоть 100–200 страниц и этим немножко заплатить своей медицине» [5]. Последнее признание весьма существенно, ведь А.П. Чехов собирается взглянуть на каторгу глазами врача.

Это был трудный и рискованный путь в открытой повозке, то под холодным дождем по непролазной грязи с переправами через бурные в половодье реки, то в жару и зной сквозь удушливый дым лесных пожаров. Антон Павлович пробыл на Сахалине 3 месяца. За это, в общем-то, недолгое время А.П. Чеховым была проделана колоссальная работа – он прошел весь остров с севера на юг, побывал почти во всех населенных пунктах и познакомился с жизнью большинства ссыльных. Он был на ногах с пяти утра до поздней ночи.

«Я видел все, кроме смертной казни», – напишет А.П. Чехов по возвращении. Он говорил, что материала, собранного им на Сахалине, «хватило бы на три диссертации», хотя не без основания подозревал, что какие-то существенные стороны сахалинской действительности от него были скрыты. Книга «Остров Сахалин» носит скромный подзаголовок «Из путевых записок» но, по существу, это серьезный научно-исследовательский труд. Ради академичности работы Антон Павлович отказался от детективно-занимательных сюжетов, которыми щедро снабжала его каторга. Однако в отличие от обычных научных работ, где процесс познания предмета исследования остается «за сценой», в «Острове Сахалин» читатель становится очевидцем и участником проводимого

исследования. Вместе с автором он видит ту предельную степень унижения человека, дальше которой, по словам А.П. Чехова, идти уже нельзя.

Доктор Чехов привезет домой более 10 тысяч статистических карт, позволивших провести глубокое медико-статистическое исследование. И хотя Антон Павлович с присущей ему скромностью заметит, что результаты исследования не могут отличаться полнотой, более серьезных данных не найти ни в литературе того времени, ни в сахалинских канцеляриях. К этому следует добавить, что по данным профессора Е.Б. Меве, перепись населения на острове, произведенная А.П. Чеховым была первой частичной переписью в России, в основу которой положен научно-статистический метод разработки [18]. «Мой «Сахалин» – труд академический... – напишет он А.С. Суворину после завершения работы над книгой. – Медицина не может упрекать меня в измене: я отдал должную дань учености и тому, что старые писатели называли педантизмом. И я рад, что в моем беллетристическом гардеробе будет висеть, и сей жесткий арестантский халат» [5, 52].

Если подходить к этой работе А.П. Чехова с учетом строгой позиции современной ВАК, то она, как принято говорить в таких случаях, удовлетворяет всем самым высоким требованиям, предъявляемым к диссертациям, а ее автор, совершивший гражданский и научный подвиг, несомненно, заслуживает искомой степени. Но в этом ему было отказано – декан медицинского факультета, к которому обратился однокашник и друг Антона Павловича профессор Г.И. Россолимо, не пожелал даже разговаривать на эту тему [21].

Дело конечно не в том, что патологоанатом профессор И.Ф. Клейн не оценил по достоинству научного значения работы А.П. Чехова. И, по видимому не в том, что на ученую степень претендовал автор «легкомысленных» рассказов, вчерашний Антоша Чехонте, как предположительно объяснял причину отказа К.И. Чуковский [53]. Присуждение ученой степени автору «Острова Сахалин» означало бы официальное признание крамольной книги, а вместе с тем – существование тех чудовищных явлений, которые в ней описаны. Однако книга

доктора Чехова выполнила задачу, которую ставил перед собой автор – она потрясла читающую публику, возбудив интерес общества к «острову изгнания» не только в России, но и за рубежом.

«Кто слышал от него жалобы, кто знает, как страдал он?» – вопрошает И.А. Бунин в статье, посвященной памяти великого русского писателя [53]. Это молчаливое превозмогание смертельного недуга длилось не месяц и не год. До сих пор дебатруется вопрос, был ли А.П. Чехову вполне ясен диагноз его болезни? Дело в том, что долгие годы (пока эскулапы, по выражению самого писателя не вывели его из блаженного неведения) он ни разу не называет свою болезнь страшным словом – чахотка. Трудно представить, чтобы такой грамотный врач, как Антон Павлович, не знал выраженных симптомов кавернозного туберкулеза легких, которые сам же у себя находил: «Каждую зиму, осень и весну, и каждый сырой летний день я кашляю. Но все это пугает меня только тогда, когда я вижу кровь: в крови, текущей изо рта, есть что-то зловещее, как в зареве» [5, 55, 56].

«Зловещее зарево» – это символ смертельного ужаса повторно зазвучит на страницах «Скучной истории»: «В теле нет ни одного такого ощущения, которое указывало бы на скорый конец, но душу мою гнетет такой ужас, как будто я вдруг увидел громадное зловещее зарево», – скажет в своих записках обреченный на смерть Николай Степанович. Да было ли «блаженное неведение»? Вопрос не праздный. Отношение А.П. Чехова к своей смертельной болезни характеризует его как человека мужественного с поразительным самообладанием. «Я болен. Кровохарканье и слаб.... Надо бы на юг ехать, да денег нет», Не потому ли на юг, что там лечат чахотку?

«Он был врач, – писал А.М. Горький, – а болезнь врача всегда тяжелее болезни его пациентов; пациенты только чувствуют, а врач и знает кое-что о том, как разрушается организм. Это один из тех случаев, когда знание можно считать приближающим смерть» [17, 49]. Врач Чехов, безусловно, понимал, что длительное лечение потребует коренной перемены образа жизни, и в то же вре-

мя скептически относился к возможности полного выздоровления. «Лечение и заботы о моем физическом существовании внушают мне что-то близкое к отвращению. Лечиться я не буду», – категорически заявляет он. А поэтому весьма логично: «Выслушивать себя не позволю».

Он решил играть с болезнью «в темную» и почти 13 лет избегал врачебного осмотра, чтобы не услышать подтверждение диагноза, выставленного им самим. Подобно тому, как профессор Николай Степанович из «Скучной истории» не рискует подвергать себя осмотру врача, чтобы по выражению лица своего коллеги, даже если ему не скажут правду, не прочитать приговор и не лишиться последней надежды. «У кого нет надежд? – рассуждает профессор. – Теперь, когда я сам ставлю себе диагноз и сам лечу себя, временами я надеюсь, что меня обманывает мое невежество, что я ошибаюсь» [5].

Говорить о своей болезни Антон Павлович не любил, а от некоторых близких родственников ее просто скрывал. Как врач он знал, что жизнь его будет коротка, и поэтому не мог позволить себе такой «роскоши» как длительный отдых и делал все возможное, чтобы сократить его еще больше. Он отправился на Сахалин, отчетливо представляя, что поездка угрожает не только здоровью, но и самой жизни. Из последних сил, сопротивляясь болезни, А.П. Чехов постоянно испытывал опасения, что может быть упущено что-то важное в жизни. Величайший мастер короткого рассказа он и свою непродолжительную жизнь сумел строить без пустот и провалов. В его биографии легко разглядеть несколько «планов», каждый из которых мог составить целую жизнь – писателя, врача, ученого, общественного деятеля [18] (рис. 4).

Однако болезнь делала свое дело. О визите к профессору А.А. Остроумову Антон Павлович пишет: «Осмотрел меня как следует, обругал, сказал, что здоровье мое прескверное...». – И далее – «Ты, говорит, калека» (рис. 3) [4]. Отчетливо сознавая, что умирает, он направлял из Германии бодрые послания, категорически запрещал сообщать на родину правду и даже находил силы шутить над своим здоровьем, подписываясь под некоторыми письмами «Ваш ка-

лека» вместо «Ваш коллега». А за несколько лет до смерти он – уже давно обреченный – послал издателю А.Ф. Марксу телеграмму, что вряд ли проживет более 80 лет, чем сильно напугал издателя, так как по контракту каждые пять лет автор должен получать солидную надбавку гонорара [11, 16].

В одном из писем Антон Павлович утверждал: «Если бы я был около князя Андрея, то я бы его вылечил, – естественно, имея в виду не свои личные способности, а прогресс медицинской науки. – Странно читать, что рана князя, богатого человека, проводившего дни и ночи с доктором, пользовавшегося уходом Наташи и Сони, издавала трупный запах. Какая паршивая была тогда медицина!» [5]. Перефразируя слова любимого писателя, хочется сказать: «Как слаба была медицина! В наше время мы не дали бы А.П. Чехову умереть».

Сегодня мы понимаем А.П. Чехова намного лучше, чем его современники. Однако это не означает, что изучены все вопросы творчества великого писателя. Чехов и медицина зачастую рассматривались изолированно, вне их взаимосвязи. Среди работ по теме «Чехов и медицина» одни из наиболее фундаментальных принадлежат видному белорусскому ученому, заслуженному деятелю науки БССР, профессору Е.Б. Меве [1, 2, 18, 55, 56]. Увлеченность и настойчивость позволили ему собрать и обобщить богатейший фактический материал о жизни и творчестве А.П. Чехова. Благодаря высокой эрудиции и кропотливому труду Е.Б. Меве проанализировал не только медицинские аспекты произведений А.П. Чехова, а гораздо большее – изображение и осмысление жизни великим писателем с позиции врача-клинициста, где поразительная, временами натуралистическая «медицинская» точность деталей и гуманистическое мироощущение, исполненное сочувствия к человеческим страданиям позволили создать шедевры мировой литературы.

В одной из записных книжек Антон Павлович писал: «Хорошо, если бы каждый из нас оставлял после себя школу, колодезь или что-нибудь вроде, чтобы жизнь не проходила и не уходила в вечность бесследно». А.П. Чехов оставил после себя сады, шоссе, городскую библиотеку, медпункт и четыре сель-

ские школы. И еще одну, самую важную школу – школу правды, справедливости, милосердия, красоты и интеллигентности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Меве Е.Б. Чехов Антон Павлович //БМЭ. – 3-е изд., – 1986. – Т. 27. – С.327–328.
2. Меве Е.Б. Медицина в творчестве и жизни А.П. Чехова. – Киев, 1961.
3. Чехов А.П. и Короленко В.Г. Переписка. – М., 1923.
4. Чехов А.П. Сборник статей и материалов.– Ростов н/Д, 1959–1969. – Вып. 1–5.
5. Чехов А.П. Полное собр. соч. и писем, в 30 т. – М., 1982–1983.
6. Моруа А. От Монтеня до Арагона. – М., 1983.
7. Эренбург И.Г. Перечитывая Чехова. – Собр. соч., в 9 т.– М., 1965. – Т. 6.
8. Шубин Б.М. Доктор А.П. Чехов. – М., 1977.
9. Бердников Г.П. А.П. Чехов. Идеи и творческие искания. – Л., 1970.
10. Бердников Г.П. Чехов-драматург. Традиции и новаторство в драматургии А.П. Чехова. – М., 1972.
11. Бердников Г.П. Чехов. – М., 1974.
12. Ашурков Е.Д. Слово о докторе Чехове. – М., 1960.
13. Бучкин С. Дорогой Антон Павлович. Очерки о корреспондентах А.П. Чехова. – Минск, 1973.
14. Дерман А.Б. А.П. Чехов. – М., 1939.
15. Дерман А.Б. Москва в жизни и творчестве А.П. Чехова. – М., 1948.
16. Ермилов В. В. Антон Павлович Чехов (1860–1904). – М., 1949.
17. Ермилов В. В. А.П. Чехов. – М., 1959.
18. Меве Е.Б. Медицина в творчестве и жизни А.П. Чехова. – Киев, 1989.
19. Соболев Ю. Чехов. – М., 1934.
20. Федоров И.В. //Клин. мед. – 1960. – Т. 38, № 1 – С.148–153.
21. Россолимо Г.И. Воспоминания о Чехове. – В кн.: Чехов в воспоминаниях современников. – М., 1952.
22. В творческой лаборатории Чехова. Сб. статей. – М., 1974.

23. Бельчиков Н.Ф. Неизвестный опыт научной работы Чехова. – В кн.: Чехов и его среда. – Л., 1930.
24. Балухатый С.Д. Библиотека Чехова. – В кн.: Чехов и его среда. – Л., 1930.
25. Суворин А.С. Дневник. – М., 1923.
26. Гитович Н.И. Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. – М., 1955.
27. Романенко В.Т. Чехов и наука. – Харьков, 1962.
28. Хижняков В.В. Антон Павлович Чехов как врач. – М., 1947.
29. Чехов в воспоминаниях современников. – М., 1954.
30. Чехова М.П. Вокруг Чехова. Встречи и впечатления. – М., 1964.
31. Захарьин Г.А. Клинические лекции и труды факультетской терапевтической клиники императорского университета. М., 1894.
32. Книппер-Чехова О.Л. Последние годы. – В кн.: Чехов в воспоминаниях современников. – М., 1952.
33. Дерман А.Б. О мастерстве Чехова. – М., 1959.
34. Литературное наследство., т. 68. Чехов. – М., 1960.
35. Чехов М.П. Антон Чехов и его сюжеты. – М., 1923.
36. Авдеев Ю. В Чеховском Мелихове. – М., 1972.
37. Куркин П.И. Антон Павлович Чехов как земский врач. Материалы для биографии (1892–1894 гг.). – «Общественный врач» – 1911. – № 4.
38. Ольга Леонардовна Книппер-Чехова. Воспоминания, статьи, переписка, чч. 1–2. – М., 1972.
39. Письма к А.П. Чехову его брата Александра Чехова. – М., 1939.
40. Гиляровский В.А. Сочинения, в 4 т. – М., 1941 – Т. 3.
41. Мартынов Д.Д. А.П. //Вестн. хирургии. – 1941. – Т. 61, № 6. – С.761–767.
42. Переписка А.П. Чехова и О.Л. Книппер, в 2 т. – М., 1934–1936.
43. Роскин А. Статьи о литературе и театре. Антоша Чехонте. – М., 1959.
44. Чехова М.П. Письма к брату А.П. Чехову. – М., 1954.
45. Задера Г.П. Медицинские деятели А.П. Чехова в оценке д-ра Штерна. – СПб, 1905.

46. Немирович-Данченко В.И. Из прошлого. – М., 1938.
47. Шульцев Г.П. //Клин. мед. – 1960. – Т. 36, № 1. – С.142–144.
48. Кассирский И.А. О врачевании (проблемы и раздумья). – М., 1970.
49. Горький М. и Чехов А. Переписка. Статьи. Высказывания. – М., 1951.
50. Кербиков О.В. //Журн. невропатол. и психиатр. им. С.С. Корсакова. – 1958. – Т. 8. – Вып. 8. – С.1003.
51. Кони А.Ф. Воспоминания о писателях. – М., 1989.
52. Короленко В.Г. Отошедшие. – СПб, 1908.
53. Чуковский К.И. В кн.: Люди и книги. – М., 1960.
54. Бунин И.А. Памяти Чехова. – В сб.: Памяти А.П. Чехова – М., 1906.
55. Меве Е.Б. Страницы из жизни А.П. Чехова (труд и болезнь писателя-врача). – Харьков, 1959.
56. Меве. Е.Б. //Клин. мед. – 1960. – Т. 38. – № 1. – С.138–142.

Иллюстрации к статье Ю.К. Абаева «Докторъ Чеховъ»

Рис. 1. А.П. Чехов. 1888 г.

Рис. 2. А.П. Чехов. Мелихово. 1897 г.

Рис. 3. А.П. Чехов. Ялта. 1901 г.

Рис. 4. А.П. Чехов. Ялта. 1903 г.

Резюме
Ю.К. Абаев
ДОКТОРЪ ЧЕХОВЪ

Статья посвящена медицинской деятельности великого русского писателя и врача А.П. Чехова.

Ключевые слова: А.П. Чехов, медицина.

Resume
Yu.K. Abayev
DOCTOR CHEKHOV

The paper there was devoted to the medical activities of A.P. Chekhov – the Great Russian writer and physician.

Key words: A.P. Chekhov, medicine.